

Л. Каценельсон

Еврейская Энциклопедия
Том 13. Проклятие - Сарагосси

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 030
ББК 92
Л11

Л11 **Л. Каценельсон**
Еврейская Энциклопедия: Том 13. Проклятие - Сарагосси / Л. Каценельсон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 495 с.

ISBN 978-5-517-93738-4

Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Под общей редакцией Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга. Энциклопедия была опубликована в 1908-1913 гг. в шестнадцати томах в Санкт-Петербурге «Обществом для научных еврейских изданий» и «Издательством Брокгауз Ефрон». Основой и образцом для нее послужила вышедшая несколько годами ранее двенадцатитомная «The Jewish Encyclopedia» (London; New York, 1901-1906). Однако ее материал был существенно дополнен и расширен авторами «Еврейской Энциклопедии Брокгауза» во всем, что касалось истории, культуры и современного положения еврейских общин в Восточной Европе. В работе над «Еврейской энциклопедией Брокгауза» принимали участие виднейшие представители российской иудаики, гебраистики и востоковедения: А. Гаркави, Д. Гинцбург, Ю. Гессен, С. Дубнов, И. Маркон, Н. Переферкович. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригиналов 1908-1913 гг.

ISBN 978-5-517-93738-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

округахъ Алтайскомъ и Нерчинскомъ вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества къ производству золотого П. и участію въ немъ допускаются только тѣ евреи, которые имѣютъ право постоянного жительства въ мѣстахъ этого П. или право повсемѣстнаго пребыванія въ Имперіи. Тѣ же лица имѣютъ право быть повѣренными другихъ лицъ по дѣламъ золотопромышленности. Ссылно-поселенцы евреи допускаются лишь къ работамъ на золотыхъ приискахъ (ст. 7—9 Прил. къ ст. 427 Уст. Горн., по прод. 1906 г.).

III. *Нефтяной П.* Приобрѣтеніе въ собственность или въ пользованіе нефтеносныхъ земель въ Кавказскомъ краѣ, а также поиски нефти и получение отводовъ на добычу ея разрѣшаются только евреямъ, имѣющимъ право жительства внѣ черты осѣдлости, съ особаго каждый разъ дозволенія министра торговли и промышленности, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и съ намѣстникомъ Е. И. В. на Кавказѣ. Это дозволеніе не требуется лишь въ случаѣ приобретенія нефтеносной земли по наслѣдству. Правило это распространяется и на русскія акціонерныя общества съ акціями на предъявителя, и на иностранныя акціонерныя общества, получившія разрѣшеніе дѣйствовать въ Россіи. Евреи не могутъ и управлять нефтеносными землями на Кавказѣ по неограниченной довѣренности, выданной послѣ изданія закона 3 іюня 1892 г. Сдѣлки, совершенныя въ нарушение или обходъ этихъ правилъ, признаются недействительными. Списокъ земель, подлежащихъ дѣйствию этихъ правилъ, составляется министромъ торговли и промышленности по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и съ намѣстникомъ Е. И. В. на Кавказѣ и представляется сенату для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе. Евреи, приобрѣвшіе нефтяные участки до изданія закона 3 іюня 1892 г., могутъ заниматься на нихъ нефтянымъ П. и впредь (прим. 1 и 2 къ ст. 547 Уст. Горн., по прод. 1906 г.). Въ Кубанской и Терской областяхъ всѣмъ, вообще, евреямъ воспрещаются: приобретеніе земель, въ коихъ установлены признаки нефти, какими бы то ни было способами и на какомъ бы то ни было изъ допускаемыхъ закономъ основаній, а также сдача имъ участковъ для поисковъ и добычи нефти. Русскія акціонерныя общества съ акціями на предъявителя и иностранныя акціонерныя общества должны получить для этого предварительное разрѣшеніе военнаго министра, которое дается по представленію областного правленія, по соглашенію съ министрами финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, торговли и промышленности (прим. къ ст. 6 Прил. къ ст. 544 (прим. 2) Уст. Горн., по прод. 1906 г.). Послѣдствія приобретенія нефтеносныхъ участковъ лицами, не имѣющими на то права, тѣ же, какія установлены для отводовъ, приобретенныхъ лицами, не имѣющими права на занятіе горнымъ П.

Гр. В. 8.

Промышленная дѣятельность евреевъ въ Россіи—см. Россія.

Пропойскъ—въ эпоху Рѣчи Посполитой мѣстечко Минскаго воеводства, Рѣжицкаго повѣта. Въ 1766 г.—148 евреевъ. 5.

— Нынѣ — мѣст. Могилевск. губ., Быхов. у. По ревизіи 1847 г. «Пропойское еврейское общество» состояло изъ 521 души. По переписи 1897 г. въ П. жит. 4351, среди нихъ 2304 евр. 8.

Пророки и пророчество, נביאים, נבואה.—Однимъ изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи человѣ-

чества, имѣвшимъ огромное значеніе въ культурномъ развитіи его, было еврейское пророчество. Благодаря ему, іудаянамъ сыграли крупную роль въ міровой цивилизаціи и оказали сильное вліяніе на человѣчество. Пророчество скрывало въ себѣ силу, воспитавшую человѣчество въ духѣ альтруизма и социальной справедливости. Внутри же іудаизма пророчество вліяло въ томъ смыслѣ, что «пророки правды и справедливости» (נביאי האמת והצדקה), какъ ихъ называлъ народъ, не дали іудаизму опуститься до релігиознаго формализма, до неухотворенной обрядности. И когда пророчество, въ томъ смыслѣ, какъ его понимала Библия, и прекратило свое существованіе, голосъ П. продолжалъ попрежнему въ теченіе тысячелѣтій будить народную совѣсть. Пророческая письменность не теряла никогда своей животворящей силы, и благороднѣйшіе умы еврейскаго, христіанскаго и магометанскаго міра находились подъ ея благотворнымъ вліяніемъ. Древняя и новѣйшая міровая исторія знаетъ много аналогичныхъ явленій, но не знаетъ ничего, подобнаго еврейскому пророчеству съ его характернымъ идеализмомъ. Пророки были самыми ярыми борцами за правду и справедливость, не знавшими никакихъ границъ и ведшую къ самоотреченію, къ полному подавленію эгоизма. Другимъ идеаломъ ихъ былъ миръ между народами земли, полное осуществленіе котораго П. видѣли въ далекомъ будущемъ, во времена Мессіи. Но они не оставались при одномъ лишь сознаніи своего высокаго идеала, а самоотверженно призывали къ воплощенію его въ жизни. Напрасно многіе новѣйшіе критики рисуютъ ихъ людьми партіи, они не могли быть таковыми уже по одному тому, что не шли ни на какія уступки и компромиссы, благодаря которымъ они могли бы образовать партію. Дѣятельность ихъ протекала въ границахъ возможнаго, но идеаль ихъ былъ настолько высокъ, что сталъ отвлеченнымъ, почему П. всегда находились внѣ предѣловъ времени; требованія и чаянія П. опережали ихъ время на цѣлыя столѣтія и, можетъ-быть, даже тысячелѣтія. Вліяніе ихъ началось, собственно говоря, только много лѣтъ спустя послѣ того, какъ они сами перестали жить, оно не завершено еще и нынѣ, такъ какъ идеаль ихъ остается попрежнему идеаломъ отдаленнаго будущаго. Духъ пророчества живетъ и будетъ жить. Само пророчество чрезвычайно многообразно и широко охватываетъ многія явленія, и воплѣтъ естественно, что и оно пережило различныя стадіи развитія.

Названія. Типъ П., рисующагося намъ по библейской исторіи, извѣстенъ подъ именемъ «nabi» (נבי). Этимологія этого слова неясна; древніе еврейскіе лексикографы производили его отъ корня נב, откуда происходитъ слово נבא (=рѣчь), т.-е. nabi есть ораторъ (но въ дѣйствительности слово נב значитъ не «рѣчь», а «произведеніе», «продуктъ»). Въ настоящее время его сближаютъ съ арабскимъ корнемъ «naba», т.-е. «сообщать», и съ ассирійскимъ «nabu», т.-е. призывать, объявлять, называть, и со многими другими подобными корнями прочихъ семитскихъ нарѣчій (см. Gesenius-Buhl, s. v.). Трудно установить, когда это названіе вошло во всеобщее употребленіе (хотя въ Пятикнижжіи П. предполагается какъ извѣстное учрежденіе (ср. Быт., 20, 7; Чис., 11, 25—29; Второзак., 13, 2—6). А. Г.), однако, судя по книгѣ I Сам. (3, 9), можно сказать, что во время этого П. оно еще не было обще-

употребительным; П. назывались тогда въ народѣ **נבי** (провидецъ). По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, слово «nabi» уже существовало и тогда, но не вошло въ обиходную рѣчь народа, который по-прежнему зналъ лишь «goeh», т.-е. провидца, что имѣло совсѣмъ другой смыслъ. Провидецъ давалъ только совѣты, какъ поступать въ трудную минуту жизни (ib., 9); кромѣ Самуила, такъ называютъ еще Ханани, хотя тотъ рисуется П. въ высшемъ смыслѣ (II Хрон., 16, 7—10). Нѣтъ сомнѣнія, что Хронистъ знакомъ съ этимъ именемъ лишь по кн. Самуила, такъ какъ мы его нигдѣ болѣе не встрѣчаемъ. Другимъ названіемъ П. было «chozeh» (**חזן**), ясновидящій—такъ назывались П. Гадъ въ царствованіе Давида (II Сам., 24, 11), Асафъ (II Хрон., 29, 30), Iегу б. Ханани (ib., 19, 2), Иддо (ib., 12, 15), Амось (7, 12) и мн. др. Историческое значеніе имѣли лишь тѣ П., которые назывались «nabi», дѣятельность которыхъ обозначается словомъ **נביא**. Пророкъ назывался также «человѣкомъ Божьимъ» (**אֱלֹהִים בְּנֵי אָדָם**); это имя мы очень часто встрѣчаемъ въ связи съ именами Моисея (Втор., 33, 1; Пс., 90, 1; Эзра, 3, 2; II Хрон., 30, 16), Самуила (I Сам., 9, 6, 10), Шемаи (I Цар., 12, 22), Или (II Цар., 1, 9 и т. д.); названы такъ и нѣкоторые неизвестные намъ П. (I Сам., 2, 27; I Цар., 13, 1 и т. д.; ib., 20, 28), а Хронистъ называетъ такъ и царя Давида (II Хрон., 8, 14; 12, 24, 36). Интересно отмѣтить, что чаще всего эпитетъ этотъ прилагается къ П. Элишѣ (не менѣе 27 разъ); по-видимому, это было народное названіе для обозначенія пророковъ.

Происхожденіе и развитіе пророчества. Основаніемъ для пророчества служить монотеизмъ и находящійся съ нимъ въ тѣсной связи религіозныя и этическія представленія. Уже въ глубокой древности П. выступили ярыми противниками политеизма и идолопоклонства, органически связаннаго съ нимъ. Древнѣйшіе П. не были противниками господствовавшихъ среди народа обычаевъ и обрядовъ. Они были только наставниками его. Носителями религіознаго и нравственнаго идеала они сдѣлались лишь впоследствии. Еврейское пророчество въ своемъ послѣдующемъ видѣ является продуктомъ социальныхъ и политическихъ условій жизни въ Палестинѣ. Первыми великими П. традиція признаетъ Моисея и Самуила; ихъ ставятъ рядомъ Іереми (15, 1) и псалмопѣвецъ (Пс., 99, 6). Въ народной памяти жива была дѣятельность Моисея, съ нею связано было и историческое значеніе еврейскаго народа на зарѣ его исторіи. Самуилъ же сохранилъ за собою славу объединителя Израиля въ одно политическое цѣлое. Въ Св. Землѣ это былъ первый П., признанный всѣмъ народомъ «отъ Дана до Бееръ-Шебы» (I Сам., 3, 20), самая выдающаяся личность послѣ Моисея. Пророчество выразилось какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, во всей силѣ своего воспитательнаго значенія, въ области социальной, политической и внутренней жизни. Своеобразна исторія «пророческой школы» (**בית הנביאים**, ib., 19, 20); ученики или «сыны пророковъ» (**בני הנביאים**) часто составляли многолюдныя собранія (**בית הנביאים**, ib., 10, 5, 10), усердно занимавшіяся музыкой, вѣроятно, и пѣніемъ (ib.; см. Музыка). Они занимались также поэзіей и сопровождали великаго П., почему и могли психически въздѣйствовать на болѣе воспримчивыхъ людей, которые подъ влияніемъ извѣстнаго настроенія слѣдовали за ними и вступали

въ ихъ братство (ib., 19, 20—24). Эти П.-ученики, конечно, не составляли отдѣльной замкнутой касты, напротивъ, члены братства вербовались изъ всѣхъ слоевъ населенія (ib., 10, 12). Повидимому, изъ этихъ кружковъ и вышли впоследствии П., сыгравшіе извѣстную роль въ царствованіе Давида, напр. «провидецъ» Гадъ и Истанъ. Послѣдній является уже типичнымъ П. извѣстнаго социально-политическаго направленія. П. смѣло бросаетъ царю Давиду, находившемуся тогда въ апогеѣ своей мощи, упреки и укоряетъ его въ жестокомъ поступкѣ съ Уріей (II Сам., 11—12). Начиная съ этого времени, П. выступаютъ въ качествѣ народныхъ трибуновъ, защищая народныя права и абсолютную справедливость передъ лицомъ царей и правящихъ классовъ. Ихъ вліяніе было тѣмъ значительнѣе, что они выступали отъ имени неизмѣнныхъ вѣчныхъ законовъ нравственности, а не отъ имени временно дѣйствующаго государственнаго учрежденія иливо имя давнаго политическаго лозунга. Въ политическую жизнь своей страны вмѣшивался пророкъ Ахія изъ Шило (Силома), предрекшій Іеробеаму, что онъ получилъ царство Израильское (I Цар., 11, 29—39). Поступая такимъ образомъ по мотивамъ религіознаго характера, онъ предсказалъ Іеробеаму и его династіи гибель, когда царь не оправдалъ его надежды (ib., 14, 10). Историческія данныя того времени говорятъ намъ о существованіи другихъ П. въ Іудеѣ и въ древнемъ мѣстѣ поклоненія, Бетъ-Элѣ (ib., 13). Несомнѣнно, это все были питомцы школъ, основанныхъ Самуиломъ, а можетъ-быть, существовавшихъ еще и до него.

Своеобразнымъ явленіемъ въ исторіи пророчества былъ Ілія, начавшій собою новую эпоху. Въ его время существовалъ многолюдный кружокъ П.-учениковъ, уничтоженный впоследствии царицей Ізебель при введеніи ею культа Баала (I Цар., 18, 4). Спаслось всего 100 человекъ, благодаря Обадіи (см.). Ілія долженъ былъ скрываться въ Финикии. Покровительствуемое царицей, число пророковъ Баала росло. Истинные пророки готовы были жертвовать—и жертвовали—своею жизнью за свои убѣжденія; пророки же Баала отличались угодливостью передъ сильными міра сего. Повидимому, послѣ извѣстныхъ событій на горѣ Кармель (см.) царица истребила и послѣднихъ П., и Ілія одно время оставался единственнымъ представителемъ ихъ (ib., 19, 10—14).—Выдающейся личностью былъ Михаіегу (см.), сынъ Имлы, выступившій къ концу царствованія Ахаба (ib., 22, 8—28). На ряду съ Элишей мы снова находимъ цѣлую группу П., присутствовавшую при прощаніи Іліи съ Элишей и сопровождавшую затѣмъ послѣдняго (II Цар., 2—6).—Горячимъ послѣдователемъ Ілія, вѣрнымъ ему во всемъ, былъ Элиша (II Цар., 2, 3), несмотря на все различіе ихъ характеровъ. Ілія былъ страстнымъ поборникомъ истины и справедливости, человѣкомъ импудсивнаго характера; спокойнымъ и уравновѣшеннымъ являлся его ученикъ Элиша, благодаря чему онъ былъ болѣе способенъ стоять во главѣ большой школы и могъ сильнѣе вліять на политическія судьбы своего отечества. Династія Омри переполнила чашу терпѣнія—произволъ и идолопоклонство царили въ странѣ,—и Элиша провозглашаетъ полководца Іегу царемъ Израиля (ib., 9, 12). Это было лишь исполненіемъ плановъ его предшественника Іліи (I Цар., 19, 16), который, благодаря

своему характеру, не способенъ былъ играть политическую роль. Во дворцовомъ переворотѣ Арамъ-Дамаска Элиша также принимаетъ участіе (II Цар., 8, 7—15), правда, въ данномъ случаѣ многое остается для насъ невыясненнымъ. Образъ жизни П.-учениковъ школы Элиши намъ мало извѣстенъ. Повидимому, они жили бѣдно, на изживеніи богобоязненныхъ людей (II Цар., 4, 42—44). Пороку имъ приходилось довольствоваться одними травами или овощами, которые они собирали на поляхъ (ib., 4, 38—41). Жили они въ избушкахъ, построенныхъ ихъ же руками, и пмѣли общій столъ (ib., 6, 1—6). Несмотря на то, что П.-ученики образовали нѣчто въ родѣ ордена, безбрачіе не являлось условіемъ его, и намъ извѣстны послушники, жившіе въ бракѣ (ib., 4, 1—7); но дѣтей и женщинъ въ ихъ средѣ не было. Относились къ П.-ученикамъ вообще съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, но не было недостатка и въ такихъ, которые клеймили ихъ образъ жизни безуміемъ (ib., 9, 11), несмотря на все уваженіе къ словамъ П. По праздничнымъ днямъ, въ дни новолунія и субботніе, на досугѣ, народъ посѣщалъ П. (ib., 4, 23), приносилъ ему первяки отъ плодовъ своихъ садовъ (ib., 4, 42). Если въ городѣ случалось торжественное жертвенное пиршество, то приглашали П., который благословлялъ его, послѣ чего приступали къ трапезѣ (I Сам., 9, 13). Въ народѣ была сильна вѣра, что П. творитъ чудеса, что онъ предвидитъ будущее, почему къ нему и обращались за совѣтомъ, за который и приносили дары (ib., 9, 6—8). Но это была лишь первая, примитивная стадія развитія еврейскаго пророчества, ставшаго затѣмъ универсальнымъ. Какова была судьба школы Самуила, Иліи и Элиши, мы не знаемъ. Можетъ быть, многие изъ П. примкнули къ окружающей ихъ дѣйствительности и были признаны, въ свою очередь, государствомъ; изъ нихъ, вѣроятно, и составлялись кадры тѣхъ П., которые названы были «жепророками». Они находились на службѣ у государства, потворствовали царившему произволу и разнузданности нравовъ. Перемѣщеніе пророческаго идеализма въ другой общественный кругъ должно было явиться по своимъ послѣдствіямъ факторомъ чрезвычайно важнымъ.—Въ царствованіе Іеробеама II (783—743), когда сѣверное царство снова расцѣло политически и экономически (II Цар., 14, 25—27; Амосъ, 6, 4—6), на арену дѣятельности пророчества выступаетъ П. Амосъ (см.). Онъ появился въ городѣ Ветъ-Эль (гдѣ издревле находилось эфраимитское святилище), отказываясь, впрочемъ, отъ названія П. и подчеркивая свое занятіе скотоводствомъ (Амосъ, 7, 14—15). Такимъ образомъ, идеаль П. нашелъ своего провозвѣстника въ средѣ, наименѣе затронутой культурой. Величайшіе его предшественники, Самуиль, Илія и Элиша, стремились подчинить государство религиозному идеалу, новые П. являются апостолами социальной справедливости. Идеаль религіи идетъ рука объ руку съ социальнымъ и общечеловѣческимъ. Въ Амосѣ пророчество уже возвысилось надъ узко-національными задачами, его идеаль—все человѣчество; носителямъ этого идеала является еврейскій народъ. Случайныя выступленія Натана и Иліи противъ царей-современниковъ становятся обыденнымъ явленіемъ, обычнымъ отношеніемъ пророчества къ преобладающей власти. П. громили священниковъ, князей, царей и народъ. Нельзя поэтому, начиная съ Амоса, называть П. демократами,

ни въ лучшемъ, ни въ худшемъ смыслѣ этого слова, какъ это дѣлаютъ Ренауъ, Штаде, Циммерманъ, Винклеръ и др. Они не находились на службѣ ни у царя, ни у народа, а защищали извѣстный идеаль, высшую нравственность и справедливость. Выступая противъ произвола царей, бичуя черствую душу имущихъ, они не падали и погрязшую въ суевѣріи массу. Амосъ бичуетъ разнузданные нравы народа (2, 7—8), роскошь (4, 1; 6, 4—6), черствость богачей и социальную несправедливость (2, 6—8; 3, 9—10; 4, 1; 5, 11—13; 6, 5—8), ханжество, довольствующееся внѣшнимъ выполненіемъ обрядовъ, упускающее изъ виду нравственныя требованія, связанныя съ ними. Обрушиваясь на лицемѣріе, П. затронули и культъ жертвоприношеній. Пока онъ оставался искреннимъ выраженіемъ вѣры и вытекалъ изъ чувства глубокой признательности, съ нимъ еще можно было мириться, какъ съ древнѣйшей формой богослуженія, понятной и весьма распространенной въ широкихъ массахъ и среди всѣхъ другихъ народовъ. Но П. все же ясно сознавали нравственный вредъ, наносимый культомъ жертвоприношеній, внѣдрившимъ въ народныя массы вѣру въ истинность грубыхъ проявленій взаимоотношенія Бога и человѣка. Культъ этотъ велъ къ самой возмутительной формѣ лицемѣрія, не отступая передъ какимъ бы то ни было преступленіемъ, грубая масса вѣрила, что, принося жертву, она мирилась со своимъ Богомъ. Вотъ почему пророчество и возвысило свой голосъ противъ этого культа. Даже египтяне, признававшіе почти исключительно безкровныя жертвы (см. Mader, Die Menschenopfer, pp. 14—34), не представляли себѣ взаимоотношенія боговъ и человѣка внѣ жертвоприношеній. П. возвѣстили новую мысль, и уже Амосъ проповѣдуетъ (5, 21—25): Богу служить исключительно добрыми дѣлами и справедливостью (ib.). вмѣстѣ съ тѣмъ, Амосъ проповѣдуетъ великую миссію еврейскаго народа, избраннаго, по его словамъ, воплотить этотъ идеаль въ жизнь. Но это избраніе не является какой-нибудь прерогативой и не даетъ народу никакихъ преимуществъ; наоборотъ, оно возлагаетъ на него нравственную отвѣтственность и обязанности. Имѣяна принятымъ на себя обязательствамъ влечетъ за собою суровую кару. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что это было мировоззрѣніе человѣка изъ народа, скотовода по своей профессіи, и едва ли можно согласиться со словами Веллгаузена и др. протестантскихъ теологовъ, что еврейскіе П. являлись гигантами среди лилипутовъ и не принадлежали собственно къ еврейскому народу.—Совсѣмъ другимъ типомъ является болѣе молодой современникъ Амоса Гошеа (см.), дѣятельность котораго также протекла въ сѣверномъ царствѣ въ 8 в. до Р. Хр. Амосъ совершенно поглощенъ своимъ идеалами—Гошеа не чуждъ и чисто-человѣческому и личному. Оба глубоко убѣждены въ своемъ божественномъ призваніи. Амосъ говоритъ прямо объ этомъ (3, 7, 8; 7, 15). Гошеа же вѣрилъ, что все пережитое имъ въ личной жизни есть не что иное, какъ предзнаменованіе жизни израильскаго народа, и сливалъ свою судьбу съ судьбою всей націи. Семейная жизнь доставила ему тяжелыя испытанія, его дѣти пошли по стопамъ развратной матери. Все это было такъ, какъ Господь пожелалъ,—вѣрилъ Гошеа,—не то ли повторилось въ еврейской исторіи? И современное ему поколѣніе развѣ не являлось нашимъ потомствомъ нѣкогда великаго племени? (Гошеа,

1, 2—9; 3, 1—5). Тяжелыя страданія, перенесенныя Гошей, придаютъ его рѣчи мягкость, сердечность. Его страстная негодующая рѣчь, направленная противъ сильныхъ міра сего, противъ властителя и священниковъ, смягчается, когда онъ говоритъ о народѣ,—народъ, по миѣнію его, только ослѣпленъ. Гоша вводитъ въ свою рѣчь ѣдкую сатиру и уничтожающій смѣхъ. Нравственный развалъ народа оправдывается его невѣжествомъ, но грѣхъ тяготѣетъ надъ совѣстью священниковъ (4, 1—6). Съ презрѣніемъ Гоша бросаетъ священникамъ въ лицо упрекъ, что они живутъ отъ преступленій народа и, слѣдовательно, заинтересованы въ его паденіи (4, 8). Жертвоприношенія служатъ предметомъ злоупотребленія, а потому Гоша отказывается отъ нихъ. Господь требуетъ его устами любви къ ближнему, а не жертвъ; богопознаніе Ему желательнѣе, чѣмъ всеожженіе (6, 6). Просвѣщенный взглядъ П. на божество и высшій релігіозный идеалъ сливаются во-едино. Пророкъ возмущается господствующими въ народѣ суевѣрїями и половой разнузданностью. Родители подаютъ своимъ дѣтямъ плохой примѣръ (4, 11—14),—въ этомъ виновны царствующій въ Израилѣ домъ и священники (5, 1). Сознаніе исторической миссіи у Гоши выступаетъ еще ярче, чѣмъ у Амоса. Рѣчи его проникнуты историческими воспоминаніями о первомъ выступленіи израильтянъ на арену исторіи,—въ Египтѣ народъ оправдывалъ возлагаемыя на него надежды, и Господь призналъ его своимъ дѣтищемъ (11, 1). Вообще, Гоша, повидимому, хорошо знакомъ съ исторіей евреевъ; онъ часто напоминаетъ народу объ его историческомъ прошломъ: историческій опытъ долженъ служить цѣлямъ воспитанія. Въ пророчествѣ Гоши мы находимъ и новый элементъ: онъ выражаетъ свои взгляды на внѣшнюю политику Израила и отрицаетъ пользу союзовъ, заключенныхъ съ иностранными державами.—Оба П. пеклись преимущественно о судьбѣ сѣвернаго царства. Въ ихъ время оно было значителнѣе іудейскаго, и здѣсь, собственно говоря, бился пульсъ еврейской національной жизни. Тѣмъ не менѣе, и Іудея сильно привлекала ихъ вниманіе. Новѣйшая критика готова признать въ книгѣ Гоши извѣстныя добавленія іудейскихъ П., или, по крайней мѣрѣ, переработку ихъ. Нѣкоторые критики (Винклеръ, Циммерманъ и др.) видятъ въ П. политическихъ эмиссаровъ и агитаторовъ іудейскаго царства на сѣверѣ; миѣніе это совершенно неосновательно. Въ царствованіе Іеробеама П Іудея состояла чуть ли не въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Израилю. Еврейская жизнь сконцентрировалась тогда въ Самарію и давала П. много материала для изобличенія. Правда, было что критиковать и въ Іудеѣ, но жизнь послѣдней, по сравненію съ жизнью сѣвернаго царства, отходила на задній планъ. Цѣлое поколѣніе должно было сойти со сцены, политическая жизнь израильскаго царства должна была прекратиться прежде, чѣмъ всѣ національныя надежды стали возлагаться на Іудею. Повидимому, Гошеѣ пришлось пережить это, хотя паденія Самаріи онъ не видѣлъ, а только предвидѣлъ (весьма вѣроятно, что онъ еще жилъ въ первые годы царствованія Іоаша). Младшимъ современникомъ Гоши былъ Исаія (см.), дѣятельность котораго протекла въ Іудеѣ, преимущественно въ Іерусалимѣ. Новѣйшая критика, разбирающая творенія этого П. на двѣ части, приписываетъ вторую часть (главы 40—66) цѣликомъ

другому, какъ и многія главы первой. Благодаря этому трудно дать полную картину дѣятельности этого пророка, оставившей глубокой слѣдъ въ релігіозной, общественной и политической жизни народа. Но даже изъ тѣхъ рѣчей, которыя оставлены критикой на его долю, мы видимъ эту крупную, выдающуюся личность, съ проникающимъ далеко въ глубь исторіи взглядомъ. Исаія представляетъ собою дальнѣйшую ступень въ исторіи развитія пророчества. Отъ своихъ коллегъ на сѣверѣ онъ унаслѣдовалъ взглядъ на значеніе культа жертвоприношеній и обрядности, лишенныхъ внутренняго смысла, истиннаго релігіознаго чувства и благочестія. Ясна и вполне послѣдовательна была мысль пророка, бичевавшаго празднаго и жертвоприношенія. Онъ не вѣрилъ и въ значеніе молитвы, не вытекавшей изъ глубины сердца. Богъ, по словамъ пророка, требуетъ только правды и справедливости. Онъ требуетъ оказанія помощи слабымъ и угнетеннымъ (1, 11—27). Безпощадно преслѣдуетъ онъ роскошь патриціевъ (3, 16—24); сильныхъ міра сего онъ осуждаетъ за ихъ произволъ (3, 13—15) и проч. Исаія далеко не является типомъ пророка-страдальца, ему лично не знакомъ гнетъ соціального неравенства,—онъ занималъ высокое положеніе при дворѣ, его семейная жизнь была счастлива. Это въ высшей степени оригинальное явленіе въ еврейскомъ пророчествѣ. Онъ глядитъ съ высоты своего положенія и громитъ царяція въ обществѣ несправедливость, зло, фальшь и низость. Онъ не возмущается какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ, а грозитъ всему обществу. Его высокое положеніе даетъ ему возможность не останавливаться и предъ изобличеніемъ политической жизни страны. Онъ осуждаетъ роковую симпатію Іудеи къ Египту, и всю политику, дружественную этой странѣ, дѣйствительно приведшую Іудею къ гибели; онъ порицаетъ дипломатію маленькой Іудеи (30, 1—5; 31, 1—3). Не вѣритъ П. и союзу съ Вавилоніей и Ассиріей (7 и 39). Ему мерещится идеалъ всеобщаго міра въ крайне далекомъ будущемъ (צבתי ליהם), когда среди мирныхъ народовъ будетъ находиться Израиль со своею божественной Торой, которая станетъ къ тому времени общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ (2, 2—4). Благодаря этой великой мысли, еврейство достигло высшей степени своего универсализма. Это былъ идеалъ, къ которому стали стремиться лишь къ концу восемнадцатаго вѣка Кантъ, и который лишь постепенно завоевываетъ цивилизованное человечество.—Другимъ П. Іудеи является современникъ Исаи, Миха. Сѣверное царство доживало свои послѣдніе дни, и П. интересовались преимущественно Іудеей. Исаія отвернулся совершенно отъ Эфраима, всѣ его надежды возложены на Іудею; Миха не дѣлаетъ различія между обоими родственными племенами. И тутъ, и тамъ царитъ произволъ, угнетеніе слабыхъ (3, 1—3), подкупы въ судахъ, испорченность нравовъ руководящихъ круговъ (3, 9, 11), скрывающихъ свои богомерзкіе поступки подъ личиною страха Божьяго (ib.). Нравственно палъ и народъ (6, 10—12; 7, 2—6), и Михѣ приходится выступать противъ лжепророковъ, развращающихъ его еще болѣе (2, 11; 3, 5—7),—ихъ рѣчи продиктованы жаждою наживы (3, 11), Миха же получилъ право и силу свою отъ Господа, чтобы проповѣдывать истину (3, 8). Онъ также выступалъ противъ культа жертвоприношеній, и идеаломъ богослуженія для неог

были религиозный идеал любви къ ближнему, справедливость и скромное поведение (6, 6—8). Но если современное положеніе дѣлъ вызывало у него одно лишь возмущеніе и скорбь, то грядущее рисовалось ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Онъ вѣритъ въ блестящую будущность своего народа, и въ своей проповѣди и въ предсказаніяхъ о будущемъ мессіанскомъ строѣ онъ видитъ народы въ ненарушимомъ мирѣ, а свой народъ въ ореолѣ славы (4, 1—5). Но Миха не думаетъ при этомъ о всеобщемъ признаніи іуданзма всѣми народами, нѣтъ, въ его представленіи каждый народъ сохраняетъ свою національную религію. Наряду со всеобщимъ миромъ воцарится и вѣротерпимость. Миха знакомъ со страданіями плѣннаго Израиля, съ его глубокою приниженностью и плачевнымъ положеніемъ, но онъ полонъ свѣтлыхъ надеждъ (7, 9 и сл.). Подобно тому, какъ израильтяне были освобождены отъ рабства въ Египтѣ, они и теперь сдѣлаются свободными (7, 15). И Исаія, и Миха пережили паденіе израильскаго царства. Въ словахъ Михи мы несомнѣнно слышимъ горечь пережитой катастрофы, въ которой погибла значительная часть народа. Оставшееся іудейское царство было накануне своей гибели, его спасло чудо. Одно время казалось, что съ паденіемъ ассирійскаго могущества для евреевъ наступитъ новая эра национальной жизни. Правда, ей предшествовала эпоха глубокаго внутренняго паденія. Долгое царствованіе Менаше оставило своимъ наслѣдіемъ языческой культъ, уничтоженный было его отцомъ Хизкіей. Этому культу царь пролагалъ путь въ народъ съ мечомъ въ рукѣ. Даже послѣ смерти Менаше, и даже въ первое время царствованія внука его Іошіи, этотъ грозный призракъ продолжалъ витать надъ страной, и всѣ позднѣйшіе летописцы отмѣчаютъ наступившій въ это время временный перерывъ въ дѣятельности пророковъ. При Іошіи же, однако, пророчество снова расцвѣтаетъ. Тринадцатый годъ его царствованія ознаменованъ выступленіемъ молодого Іереміи (см.), наиболее оригинальной личности среди всѣхъ пророковъ, дѣятельность котораго заполнила цѣлыхъ 40 лѣтъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Глубочайшимъ убѣжденіемъ Іереміи было, что онъ рожденъ пророкомъ, и вынужденъ имъ быть вопреки своей волѣ (Іерем., 1, 5—7). Во имя своей священной мисси онъ отрекся отъ личнаго счастья (16, 2), вынужденъ былъ отказаться отъ родныхъ и отъ отцовскаго дома. Онъ былъ воплощеніемъ человѣческаго и социальнаго идеала: человѣколюбие, любовь къ справедливости и къ истинѣ. Едва ли исторія знакома съ другою подобною личностью. Рѣдко кто ненавидѣлъ такъ, какъ онъ, зло и обманъ и пылалъ такою любовью къ истинѣ и справедливости. Онъ не могъ остановиться на полпути: знать истину и не высказать ея открыто, сознавать справедливость и не проповѣдывать ея—было выше его силъ.

Главнымъ мотивомъ трагедіи жизни Іереміи являются не его личныя несчастія, а та скорбь, которую онъ несъ съ собою повсюду въ своемъ сердцѣ. Въ его характерѣ встрѣтились двѣ рѣзко противоположныя черты, составившія счастье человѣчества и несчастье самого пророка. Это была мягкая, чуткая, кроткая по природѣ своей натура, любящая и нуждавшаяся, въ свою очередь, въ любви, а его нападки на все то, что онъ вокругъ себя встрѣчалъ, осудили его на одиночество. Полный сердечной доброты,

онъ вынужденъ былъ произносить крайне суровыя рѣчи. Онъ лично никому никогда не причинилъ зла, а его окружали злѣйшіе враги (15, 10). Онъ былъ всецѣло подѣянъ своимъ идеямъ и миссией, которая заглушала въ немъ всѣ остальные чувства (20, 7—9), даже чувство самосохраненія. Хотя въ немъ постоянно боролись противоположныя сильныя чувства, побѣда оставалась только за самыми благородными, почему онъ и поднялся до высшей степени любви къ человѣчеству. Іеремія любилъ свой народъ, жаждалъ его счастья (31). Однако, эта любовь не мѣшала ему высказывать самыя горькія истины. Своему царю, слабому вассалу могущественной мировой державы, но безпощадному деспоту въ своемъ маленькомъ царствѣ, онъ смѣло говорилъ правду (22, 13—19) и настоятельно требовалъ социальной справедливости (21, 12). Привязанный всей душой къ народу и къ отечеству, онъ неоднократно предвѣщалъ паденіе его, если только не измѣнятся условія общественной жизни. Онъ не льстилъ народу, несмотря на все свое горячее участіе въ его судьбѣ. Безпощадно бичуетъ онъ его предразсудки и его национальное тщеславіе, поощряемое лжепророками. Его любовь къ собственному народу исключаетъ шовинизмъ и ненависть къ другому народу. Что касается религиозныхъ установленій, то Іеремія требовалъ господства духа, а не исполненія буквы закона; не на устахъ, а на сердцѣ должны быть слова ученія Господа. Рѣзко высказывается онъ противъ культа жертвоприношеній (7, 21—24). Национальное святилище потеряло въ его глазахъ всю свою цѣнность, разъ оно утратило свое значеніе, какъ центръ истиннаго богослуженія (7, 34). Пророкъ былъ также противникомъ внѣшней политики Іудеи. Онъ стоялъ за мирныя сношенія и даже подчиненіе Вавилону. Въ теченіе своей сорокалѣтней пророческой дѣятельности онъ многократно подвергался гоненіямъ. Іеремія—типъ пророка мученика.—Современникомъ Іереміи былъ Цефанія (Софонія, лъз), отъ котораго сохранились лишь нѣкоторыя отдѣльныя рѣчи. Подобно своему великому современнику, онъ скорбитъ объ искаженіи закона Израилемъ и его священникамъ, о существованіи лжепророковъ (3, 3—4) и возвѣщаетъ далекое будущее, когда всѣ народы придутъ къ сознанию одного Бога (3, 9).—Другимъ современникомъ Іереміи является Нахумъ изъ Элкоша; его смѣлыя и яркія картины паденія Ниневіи предсказали гибель нѣкогда могущественной Ассирійской монархіи (ок. 606 до Р. Х.). Всѣ еврейскіе пророки были убѣждены въ высшей Господней справедливости, господствующей на землѣ. Политическія событія служили, по ихъ мнѣнію, выраженіемъ этой справедливости, и только Провидѣніе руководило выступленіемъ новыхъ народовъ-побѣдителей. Оно же являлось причиною и ихъ паденія. Такимъ образомъ и Ассирія являлась въ представленіи П. оружіемъ въ рукахъ Господа, направленнымъ Имъ противъ всѣхъ народовъ, отягченныхъ преступленіями (Исаія, 10, 5—6). Однако, когда Ассирія слишкомъ много возомнила о себѣ, приписывая свои побѣды исключительно своей мощи, кара Господня должна была постичь и ее (ib., 12). Эта вѣра царитъ и въ пророчествахъ Нахума. Судьба покараетъ и Ассирію—такъ во убѣжденіи пророка (3, 1п сл.).—Когда царь Іудеи, Іегоякимъ, сдѣлся Навуходоноссору (597), желая избавить Іерусалимъ отъ грозящей гибели, съ нимъ вмѣстѣ ушли въ плѣненіе многія знат-

пня семьи. Съ теченіемъ времени это еврейское поселеніе (777) сыграло огромную роль въ исторіи еврейскаго народа и еще болѣе крупную въ исторіи развитія религіи. Въ числѣ поселенцевъ Вавилоніи, достигшихъ, сравнительно скоро, хорошаго положенія, находился Іезекіиль (см.), ставшій духовнымъ вождемъ всего вавилонскаго еврейства и первымъ П. изгнанія. Возможно, что и Нахумъ жилъ въ изгнаніи, однако, его пророческая дѣятельность протекла здѣсь незамѣтно. Іезекіиль выступилъ съ новою и плодотворною мыслію—онъ возвѣстилъ новую идею о свободѣ воли и о силѣ нравственнаго самоопредѣленія человѣка, наряду съ великою нравственною отвѣтственностью личности за всѣ свои дѣянія. Отвѣтственность падаетъ на каждого лишь за его собственные грѣхи (ib., 18, 4 и 20). Грѣшникъ можетъ въ любой моментъ переимѣнить свой прежній образъ жизни и избрать другой путь,—путь добродѣтели, и тогда его прошлые грѣхи забываются (18, 21—23; 33, 10 и сл.). Богъ не является врагомъ грѣшника. Ему желательно раскаяніе послѣдняго (18, 23; 33, 12). Другимъ великимъ социальнымъ и этическимъ идеаломъ Іезекіила является долгъ воспитанія народа. Самому познать добро еще слишкомъ мало, нравственною обязанностью каждого является защита справедливости и истины и непрерывная проповѣдь ихъ. Кто отказывается отъ этого, тотъ является виновнымъ въ беззаконіяхъ своихъ современниковъ (33, 2—9). Такимъ образомъ, социальная этика еврейства принимаетъ въ рѣчахъ Іезекіила новое направленіе. Во многомъ Іезекіиль связанъ съ этикой Исаи, хотя онъ не относится отрицательно къ культѣ жертвоприношеній. У Іезекіила нѣтъ того мягкаго, сердечнаго отношенія къ согрѣшившему, которое такъ характерно для Іеремии. Онъ выноситъ суровый, беспощадный приговоръ, обусловленный тѣмъ, что, по его мнѣнію, все въ собственной волѣ самого грѣшника. По мнѣнію новѣйшей критики, въ Вавилоніи же появился и другой пророкъ, воспріявшій одну идею великихъ своихъ предшественниковъ—П. и развѣсившій ее въ общечеловѣчскій идеалъ; это былъ, такъ называемый критиками, Исаія II, дѣятельность котораго слѣдуетъ отнести къ 520 г. до Р. Хр. Это новое ученіе было представленіемъ о вѣчномъ спасеніи, которое Израиль долженъ былъ принести всему человѣчеству. Но чтобы развить эту благотворную дѣятельность, народъ долженъ находиться самъ въ счастливыхъ и благопріятныхъ условіяхъ. Что предшественникъ его, Исаія I, предвидѣлъ и представилъ въ общихъ чертахъ, то Исаія II далъ ясно сформулированнымъ образомъ. Предъ его духовными очами воздвигается храмъ нравственности и человѣколюбія, въ которомъ Израиль играетъ роль священника, и отъ ученія послѣдняго исходитъ свѣтъ, служащій всему человѣчеству маякомъ (Ис., 60, 3). Свою миссію наставника народовъ Израиль выполнить безъ помощи посторонней матеріальной силы; никому онъ не станетъ силою навязывать свой законъ; его вѣроученіе само себя покорить народы силою присущей ему внутренней правды (42, 1—4). Несмотря на всѣ переживаемыя муки и униженія, день всеобщаго признанія его наступитъ. Всѣ народы станутъ сознаваться въ несправедливомъ отношеніи къ нему, они вынуждены будутъ признать, что еврей страдали изъ-за нихъ (52, 13—53, 12). Въ минуту самаго глубокаго униженія П. рисуетъ народу блестящую будущность, создаетъ ему возвышенную цѣль,

для которой стобитъ жить и страдать (Исаія, 49, 1—4). Но при всемъ томъ нѣтъ и намекъ на національную гордость и на расовые предрасудки. Все человѣчество, по словамъ П. призвано служить Всевышнему и вступить въ Его союзъ. Святыище Израиля—мѣсто молитвы для всѣхъ народовъ (56, 3—7). Но исполненіемъ вѣшнихъ обрядовъ ничто не достигается. Къ Богу можно приблизиться лишь путемъ добрыхъ дѣлъ и человѣколюбія, путемъ социальной справедливости и миролюбія (58, 1—11). Идеалы Іеремии были развиты Исаіей II до полнаго универсализма. Въ то время какъ для Іеремии характерны импульсивныя выступленія, Исаія II дѣйствуетъ, такъ сказать, безлично. На первый планъ у него выступаетъ ученіе іудаизма о спасеніи. Израиль играетъ роль пророка среди другихъ народовъ. Само спасеніе это принимаетъ у него характеръ чуть ли не одушевленнаго лица.—Приходится считать, какъ съ историческою необходимостью, съ тѣмъ фактомъ, что послѣдующіе П., П. изгнанія, снова сгустили национальную окраску пророчества. Это было естественной реакціей. Еврейское пророчество должно было сохранить національную мысль, иначе оно совершенно потеряло бы подъ собою реальную почву. Ни одинъ народъ въ мірѣ не отказался такъ быстро отъ своего національнаго эгоизма для благороднѣйшаго космополитизма и чистой человечности. Этому явленію должна была бы предшествовать предпосылка, что онъ со своими идеалами универсализма не одинокъ, въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ полное уничтоженіе. Пророчество, достигшее своего высшаго расцвѣта въ смыслѣ нравственнаго совершенствованія въ рѣчахъ Іеремии и Исаія II, было чистѣйшимъ золотомъ, но подобно ему,—мягкимъ и неспособнымъ къ сопротивленію. Въ теченіе столѣтій послѣ изгнанія еврейскій національный духъ долженъ былъ быть укрѣпленъ (536—436), въ известной, конечно, мѣрѣ. Эта задача выпала на долю Хаггаи (см.), Зехаріи (см.) и Малахи (см.). Въ силу той же причины всѣ эти П. стали на защиту Іерусалима и культа жертвоприношеній. Но даже и тогда пророчество осталось вѣрнымъ своему идеалу универсализма. Богу молится все человѣчество (Малахи, 1, 11), идеаломъ будущаго остается по-прежнему надежда, что наступитъ нѣкогда день, когда только къ Нему одному будутъ возноситься молитвы всѣхъ народовъ (Зех., 14, 9), и Господь будетъ признаннымъ владыкой всего человѣчества. Малахи, жившимъ въ пятомъ вѣкѣ, и заканчивается рядъ еврейскихъ П. Въ людяхъ, проникнутыхъ пророческими идеалами, у евреевъ никогда не было недостатка, ихъ было много и вполнѣдствіи, но творческая дѣятельность пророковъ прекратилась. Ихъ мысли и великіе идеалы были внесены въ безсмертныя записи, теперь оставалось воплотить ихъ въ жизнь, сдѣлать ихъ достояніемъ всего человѣчества. Этическая начала законоученія Израиля были углублены вдохновенными рѣчами П.; предпринятые вполнѣдствіи переводы сдѣлали ихъ доступными всѣмъ другимъ народамъ, подчинили ихъ влиянію и остальное цивилизованное человѣчество. Вліяніе пророческихъ книгъ растетъ еще и понынѣ, а идеалъ пророчества о социальной справедливости понемногу захватываетъ человѣчскій родъ. На ряду съ нимъ идетъ и другой идеалъ, не менѣе возвышенный—идеалъ всеобщаго мира и человѣколюбія, такъ какъ при

всемъ различіи рѣчей и писаній П., они всё безъ исключенія проповѣдывали социальную справедливость, челоуѣколюбіе и миръ. Однако, при этомъ они вовсе не думали обратитъ челоуѣчество въ одну безцвѣтную однообразную массу—они это считали неестественнымъ. Горячая любовь къ родному народу не превращалась у нихъ въ чувство отчужденія отъ другихъ народовъ. П. были противъ классовъ борьбы, отрицали условныя различія между вѣнатымъ и незнатымъ, бѣднымъ и богатымъ. Они вообще не признавали никакихъ общественныхъ ступеней, исходя изъ той точки зрѣнія, что всё люди, какъ дѣти Божьи, сотворенныя по Его подобію, между собою равны. Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ пророковъ, время дѣятельности которыхъ намъ извѣстно либо по ихъ твореніямъ, либо по другимъ литературнымъ даннымъ, существовало еще много другихъ. По имени намъ извѣстны лишь четыре: Иосель, Иона, Обадія и Хабакукъ.—Иона проповѣдывалъ челоуѣколюбіе и Божье милосердіе, что сохранилось въ формѣ сказанія, гдѣ милосердіе это простирается на всѣхъ грѣшниковъ, безъ различія происхожденія ихъ. И къ другимъ народамъ Господь посылаетъ своихъ П. и предвѣщаетъ имъ грядущую кару и прощаетъ ихъ. Самъ Иона навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій, когда онъ не пріемлетъ миссіи идти къ язычникамъ. Рѣчи многихъ другихъ, согласно мнѣнію критики, сохранились въ книгахъ вышеупомянутыхъ пророковъ; многія изъ нихъ вошли въ книги Исаія, Гошеи и Зехаріи, и весьма вѣроятно, что отдѣльныя отрывки имѣются и у Иереміи въ числѣ послѣднихъ главъ. Въ общемъ всё книги Св. Писанія, даже чисто историческаго характера, пропитаны духомъ пророчества. Древнѣйшія историческія сказанія проповѣдуютъ тѣ же возвышенные идеалы, что и пламенные рѣчи П.

Языкъ и форма изложенія. Творческая сила П. отразилась и на ихъ литературныхъ произведеніяхъ,—пророческія книги относятся къ числу наиболѣе интересныхъ произведеній древнѣйшей еврейской литературы. Какъ и вездѣ, новые взгляды и новыя идеи вызвали къ жизни новыя богатства языка. Такъ какъ каждый П., несмотря на общій идеалъ, объединявшій всѣхъ ихъ, сохранилъ свою индивидуальность, то естественно, что каждый изъ нихъ создалъ свой собственный языкъ (ср. талмудическое изреченіе: *תן לנו משה כחשׁונו*—два пророка не выражаются одинаковымъ стилемъ—Сангед., 89а). Общимъ всемъ имъ былъ лишь тотъ благородный паеосъ, который царитъ въ ихъ рѣчахъ. Рѣчи ихъ не являются продуктомъ литературнаго искусства; нѣтъ, это скорѣе откровеніе стихійныхъ силъ, и тотъ стиль П., который насъ такъ часто поражаетъ, такъ же прекрасенъ и величественъ, какъ картины природы, столь же неподражаемъ, какъ послѣднія. Часто рѣчь пророковъ заключена въ форму видѣній, посѣщавшихъ ихъ. Они, дѣйствительно, переживали все переданное ими, такъ какъ находились цѣлкомъ во власти идеи. Нѣкоторые П. описали намъ тотъ внутренній процессъ, который они пережили, почувствовавъ въ себѣ призваніе П. (Исаія, Иеремія, Иезекииль); обуявшій ихъ духъ, подчинившій навсегда всю ихъ личность, они рисовали въ формѣ видѣнія, когда Господь посвящалъ ихъ на путь тернистый и полный лишеній, который на первыхъ порахъ ихъ

вѣдн являются образныя выраженія, параболы и крайне живая рѣчь. П. часто повѣствуетъ о томъ, что Господь ему далъ узрѣть, и въ этомъ видѣніи должно заключаться указаніе для народа, вѣсть о чемъ-то грядущемъ (Амосъ, 7, 1—9; Иеремія, 1, 11—15; 24, 1—10; Иезек., 8, 1—9; 37, 1—14). У позднѣйшихъ П. (Зехаріи, Даниїла, но уже и у Иезекиїла) ангелы являются гораздо чаще, чѣмъ у ихъ предшественниковъ, получавшихъ свое вдохновеніе непосредственно отъ Господа. Объ этой формѣ откровенія П. выражаются ничуть не двусмысленно, несмотря на то, что употребляютъ образную рѣчь. Господь открывается имъ; исполненные Божьяго духа истины и справедливости, они начинаютъ распознавать истинное и справедливое, служенію которымъ они и отдаются всецѣло. На языкѣ П. это гласитъ: «Богъ говорилъ мнѣ». Величайшіе, а по времени и древнѣйшіе, П. довольствовались однимъ этимъ оборотомъ рѣчи. И во всѣхъ перипетіяхъ своей жизни они видѣли Божье предопредѣленіе, избравшее ихъ на этотъ священный постъ. Нѣкоторые П. совершали такія дѣянія, которыя обращали на себя всеобщее вниманіе народа, а затѣмъ истолковывали ихъ символически и переносили въ будущее Израїля. Этимъ способомъ воздѣйствія на умы чаще другихъ пользовался Иезекииль, у котораго порою даже трудно отличить, имѣемъ ли мы дѣло съ дѣйствительною или съ видѣніемъ. Пророческія истины не только проповѣдывались, но и переживались. Дѣянія Иереміи, символическія поступки котораго просты, оставляютъ глубокое впечатлѣніе, благодаря той манерѣ, съ которой онъ ихъ производитъ передъ народомъ. Стоить вспомнить исторію съ поясомъ (13, 1 и сл.), съ кувшиномъ (19, 1 и сл.), съ ярмомъ (27, 2 и сл.). Картины, которыя рисовали П., они брали изъ будничной жизни и изъ окружающей ихъ природы. Однимъ изъ ихъ излюбленныхъ образовъ является представленіе союза между народомъ и Богомъ въ видѣ брачнаго союза, причемъ отпаденіе Израїля уподобляется нарушенію брачнаго объѣта со стороны Израїля; идолопоклонство часто рисуется при этомъ въ видѣ флирта или прелюбодѣянія,—впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что, дѣйствительно, культъ этотъ часто связывался съ послѣднимъ. Другимъ излюбленнымъ мотивомъ ихъ является изображеніе народа въ видѣ виноградной лозы, стойвшей много труда владѣльцу своему и оказавшейся впоследствии прогнившей и принесшей одно лишь разочарованіе. Извѣстна пѣснь о виноградникѣ у Исаія (5, 1—7); та же картина, съ нѣкоторыми измѣненіями, встрѣчается у Гошеи (10, 1), у Иереміи (2, 21) и у другихъ. Часто встрѣчается уподобленіе еврейскаго народа ребенку по отношенію къ своему Отцу Небесному; та же связь рисуется въ видѣ отношеній пастуха и овецъ, причемъ овцами являются евреи, или другіе народы земли, пастухомъ же, заботящимся о своемъ стадѣ—Господь. Иной разъ въ роли пастуховъ выступаютъ вожди народа, П. и законоучители. Плохіе цари и лжепророки рисуются въ видѣ безсовѣстныхъ пастуховъ, пожирающихъ мясо и молоко овецъ, облачающихся въ ихъ шерсть и бросающихъ всякую заботу о своемъ стадѣ. Но кромѣ этихъ всѣмъ П. общихъ сравненій, каждый изъ нихъ имѣетъ и свои излюбленныя картины. Исаія сравниваетъ народное тѣло съ тѣломъ больного

(1, 30). Онъ сравниваетъ мощь побѣдоносной Ассирии—съ острой бритвой (7, 30), легко снимающей все, что она встрѣчаетъ по пути, или съ тяжелымъ ярмомъ, а то—и съ розгой (9, 3). Особенно богатъ въ этомъ отношеніи живописный языкъ Іереміи. Милость Бога рисуетъ онъ неизсякаемымъ источникомъ свѣжей влаги (2, 13); съ особой художественной силой рисуетъ онъ набѣгъ скивоовъ, который ему пришлось пережить. Орды кочевниковъ сравниваетъ онъ со стаями дикихъ звѣрей, ворвавшихся въ городъ (2, 15; 4, 7). Колчаны ихъ кажутся ему разверстыми могилами (5, 16); силою отличаются описанія опустошеній, произведенныхъ дикимъ народомъ (4, 23—26). Евреевъ онъ сравниваетъ съ замученною до-смерти женщиною (4, 31). Богатымъ языкомъ блещетъ также рѣчь Гошеи и Амоса. Ихъ картины заимствованы по большей части изъ роскошной природы сѣвернаго царства. У Исаи II эти картины взяты изъ яркой и блестящей жизни Вавилона, гдѣ сверкаетъ роскошь драгоценностей и пышность царскихъ дворцовъ. Изъ жизни большихъ торговыхъ центровъ взяты картины Іезекіила. Описание торговой дѣятельности Тира, его судовъ и широкихъ международныхъ сношеній, должно быть отнесено къ лучшимъ памятникамъ всемірной литературы. Особымъ великолѣпіемъ отличаются рѣчи Іезекіила и картинныя изображенія его, свидѣтельствующія о богатомъ жизненномъ опытѣ и разносторонности II. Рѣчи его обнаруживаютъ въ немъ дальновиднаго политика съ широкимъ кругозоромъ. Манера изложенія и красота пророческаго стиля производятъ и по сію пору обаятельное впечатлѣніе, если даже не считается съ ихъ этической цѣлностью. Рѣчи ихъ крайне далеки отъ сухихъ проповѣдей морали; онѣ, подобно вѣчно юнымъ силамъ стихій, всегда производятъ впечатлѣніе. Никогда рѣчь II. не казалась устарѣвшей, и ей много обязано еврейское пророчество своимъ бессмертіемъ.—Отличаются II. одинъ отъ другого и особымъ ритмомъ рѣчи. Языкъ ихъ вообще поэтический и риторичный. Но у Исаи это—тонко отдѣланная эпиграмма. Каждое предложение является мыслью въ формѣ эпиграммы. Излюбленная манера Амоса—приводить три тяжелыхъ преступленія, которыя какъ-никакъ можно было бы еще простить, если бы не четвертое, переполняющее чашу терпѣнія. Легкая иронія и грусть сквозятъ въ рѣчахъ Гошеи. То же можно сказать и о Михѣ. Высшая степень краснорѣчія присуща Іереміи. Его рѣчь льется неудержимо, смѣло, захватывающимъ образомъ. Но рѣчь его не является обработанной, холодно обдуманной, она вырывается стихійно въ минуты высшаго экстаза. Слова его то льются страстно, грозно негодуя на зло, то они мягки, трогательны и полны состраданія; и грустными, нѣжными рѣчамп и полными надежды словами утѣшаетъ онъ народъ, который онъ только-что бичевалъ. Чарующее будущее рисуетъ онъ ему, и слова его увлекаютъ. Въ его неподражаемой рѣчи сливается вся гамма человѣческихъ чувствованій: грусть и боль, негодованіе и гнѣвъ, горе и отчаяніе, любовь и состраданіе, надежда и радость. Слова Іезекіила обнаруживаютъ заранее подготовленную рѣчь. Онъ вліяетъ содержаніемъ своей проповѣди, своею послѣдовательностью и неоспоримой желѣзной логикой. Картины его строго продуманы, и онъ не позволяетъ себѣ увлечься краснорѣчіемъ. Любитъ онъ и иронію, и презри-

тельный смѣхъ. Надъ зломъ Іереміа плачетъ, и оно приводитъ его въ содроганіе; Іезекіиль же удостаиваетъ зло одного лишь презрѣнія, потому что оно кажется ему слишкомъ низкимъ. Это человѣкъ не чувства, а мысли и строгой логики. Мастеромъ утѣшенія и ободренія является Исаія II, создавшій собственную рѣчь, и никогда еще оскорбленному и униженному народу не приходилось слышать такихъ проникновенныхъ рѣчей. Красива его плавная рѣчь, пересыпанная мастерскими картинками. Подсказанная глубокимъ убѣжденіемъ, рѣчь его дышитъ энтузіазмомъ и живостью; возбуждающая сила его слова дѣйствуетъ и понынѣ. Изящная иронія, чарующая ритмичность словъ, живой задоръ полемики, уничтожающей всѣ возраженія, — характерныя черты его рѣчи. Порою онъ спѣшитъ самъ привести то, что ему могли бы возразить противники, чтобы тѣмъ паче доказать слабость возраженія. Рѣчь его не предназначена небольшому кружку лицъ, нѣтъ,—ему кажется, будто его слушаетъ все человѣчество, предъ которымъ онъ и защищаетъ свои тезисы. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говоритъ съ глубокимъ сознаніемъ, что его рѣчи ждетъ безсмертіе, и съ высоты своего положенія онъ глядитъ внизъ на человѣчество и на столѣтія.—И это богатое содержаніе пророческихъ книгъ, неподражаемое великолѣпіе стиля и своеобразіе рѣчи вознесли пророческія книги на ту высоту, которую онѣ занимаютъ во всемірной литературѣ. Въ религиозной литературѣ онѣ будутъ занимать всегда первое мѣсто. Никогда эти книги не устарѣютъ, и никогда онѣ не утратятъ прелести новизны, вѣчно будутъ казаться, что онѣ только-что лишь созданы и стоятъ въ непосредственной связи съ современностью. Ибо ихъ первоисточникъ неизсякаемъ, и доколѣ будутъ существовать въ мірѣ поборники идеала справедливости и истины, до тѣхъ поръ они будутъ видѣть въ II. своихъ славныхъ наставниковъ и предтечей. (Ср. статьи объ отдѣльныхъ пророкахъ, а также Вавилонское плѣненіе).—Ср.: Graetz, Gesch., II; Geiger, Das Judenthum u. seine Geschichte, 2-е изд., Бреславль, 1910; Ewald, Die Propheten des Alten Bundes, Геттингенъ, 1867—68; Cornill, Der israelitische Prophetismus, Страсбургъ, 1906; Duhm, Die Theologie der Propheten, Боннъ, 1875; Kuenen, De Profeten en de Profetie onder Israel, Лейденъ, 1875; Smith, The Prophets of Israel, Эдинбургъ, 1895; Maybaum, Die Entwicklung des israelitischen Prophetismus, Берлинъ, 1883; Darmsteter, Les Prophètes d'Israel, Парижъ, 1895 (имѣется рус. переводъ); Michelet, Israels Propheten, Фрейбургъ, 1898; Kraetzschmar, Prophet und Seher im alten Israel, Тюбингенъ, 1901; Kleinert, Die Propheten Israels in sozialer Beziehung, Лейпцигъ, 1905; Réville, Le Prophétisme hébreu, Парижъ, 1906; Budde, Geschichte der althebr. Literatur, Лейпцигъ, 1906; Koenig, Alttestam. Propheten u. d. moderne Geschichtsforschung, Гютерсло, 1910; J. E., X, 215 и сл.; Hastings, Dict. Bib., s. v.; J. Каленельсонъ, Религія и политика у древнихъ евреевъ, Будущность, 1900 г.

С. Бернфельдъ. 1.

Пророчество, какъ психологическое явленіе по даннымъ Библии.—Процессъ откровенія самъ по себѣ остается невыясненнымъ. По словамъ самихъ пророковъ, откровеніе приходитъ свыше и вызвать его по собственному желанію они не въ силахъ. Откровеніе охватывало пророка съ сверхъестественною силою (Ам., 3, 8) и рука Господа тяготѣла надъ нимъ (Ис., 8, 11; Іезек.

1. 3). Самъ пророкъ подобенъ опьяненному (Иер., 23, 9), и рѣчь его льется, вопреки его воли, не считаясь съ тѣмъ, что онъ желаетъ сказать. Господь какъ бы «обольщаетъ» его пророчествовать (Иезек., 14, 9). Напрасно пророкъ борется съ kloчущимъ внутри его «гнѣвомъ Господа» (Иер., 6, 11), слово Божье горитъ въ немъ, и онъ не можетъ хранить молчаніе (Иер., 20, 9) и, обливаясь слезами, произноситъ суровый приговоръ, вложенный въ его уста. Съ другой стороны, наступаетъ моментъ, когда онъ молчитъ (Иезек., 3, 24 и сл.), его уста сомкнуты, и онъ не отвѣчаетъ вопрошающему его народу (Иезек., 14, 1 и сл.), когда по воли Господа онъ лишень откровения (Ам., 8, 11; Плачъ Иер., 2, 9; Иезек., 14, 3; 20, 3). Эти исключительныя откровения нельзя разсматривать, какъ нѣчто совершенно отличное отъ того постоянного состоянія таинственнаго общенія съ Господомъ, въ которомъ находится пророкъ. У него есть полное сознание, что Господь говоритъ съ нимъ, чтобы возвѣстить новое вѣщее слово, что онъ избранъ съ этой цѣлью съ дѣтства (Иер., 1, 5, 6). II. Постепенно все болѣе и болѣе приближался къ Божеству, наконецъ, наступали мгновенія, когда экзальтація доходила до своего апогея, и онъ чувствовалъ непосредственную близость Бога, когда Божественная воля была для него особенно ясна. Откровения, полученные пророкомъ, являлись, главнымъ образомъ, какъ видѣніе и слово. Видѣніе близко къ параболѣ. Видѣніе — нѣчто въ родѣ объективнаго проявленія Божественнаго откровения. Порою пзвѣстная картина вызываетъ у пророка соотвѣствующую идею, порою, наоборотъ, мысль пророка получаетъ, наконецъ, пластическое яркое изображеніе въ данномъ проявленіи. Видѣнія II. не являются чисто литературнымъ приемомъ, либо продуктомъ воображенія. Это — нѣчто реальное, имѣвшее мѣсто въ дѣйствительности, хотя не всегда слѣдуетъ предполагать предшествующее ему состояніе экстаза. Даже, напротивъ, въ состояніи полнаго сознания пророки классическаго періода пророчества имѣли видѣнія, и экстазъ рѣдко сопутствовалъ имъ. Видѣнія эти могутъ быть объяснены только психологически, и на подобныя видѣнія претендовали и такъ назыв. лжепророки. Для того, чтобы лучше разобраться въ соотношеніяхъ экстаза и видѣнія, слѣдуетъ помнить, что *матсеа* язычниковъ имѣли необходимымъ условіемъ полусознательное состояніе, иначе говоря, экстазъ; но по отношенію къ высшимъ проявленіямъ *еврейскаго* пророчества критика этого не признаетъ, несмотря на то, что нѣкоторые II. не были чужды ему. И Иеремія (1, 9) и Исаія (8, 11) употребляютъ одно и то же выраженіе (т, рука Божія) для того, чтобы изобразить ту силу, которая владѣла имъ. Введеніе къ рѣчамъ Билеама (Валаама), гласитъ: «Изреченія Билеама, сына Беора, изреченія мужа, чьи глаза сомкнуты», т.-е. слова человѣка въ моментъ экстаза, когда онъ слѣпъ ко всему вишнему міру. Дальнѣйшая характеристика гласитъ: «Изреченіе слышавшаго слово Божье, выдающаго видѣнія Всемогущаго, падающаго, но глаза его открыты» (Числ., 24, 4). Сопоставляя это мѣсто съ другимъ: «Если есть пророкъ среди васъ, то Я открываюсь ему въ видѣніи, во снѣ говорю съ нимъ. Но не такъ съ рабомъ моимъ, Моисеемъ. Устами къ устами говорю Я съ нимъ, и явно, а не въ загадкахъ...», — мы замѣчаемъ, что видѣнія и сны являются обыкновенной

формой пророческаго откровенія; но особая форма видѣнія Моисея служитъ показателемъ тѣхъ высшихъ проявленій вдохновенія, которыми были одарены лучшие люди. Пророки времени Саула не отвѣчали болѣе высокимъ запросамъ послѣдующихъ поколѣній, когда понятіе о Богѣ также стало выше. Пророки 7 и 8 вв. очень мало говорятъ о своихъ видѣніяхъ, ближе другихъ къ Пророкамъ древности стоялъ Амосъ. Интересно отмѣтить, что для выраженія слышаннаго отъ Господа древніе пророки пользовались формулой «*שמעתי* или «*שמעתי*» лишь изрѣдка, но начиная съ Иереміи, выраженіе это фигурируетъ очень часто. Возможно, что этимъ имѣли въ виду отмѣнить противоположность видѣній лжепророковъ; впрочемъ, по отношенію къ Иезекиилу, который имѣлъ такъ много видѣній, это объясненіе недостаточно. [По статьѣ Т. К. Cheyne въ *Encyclopaedia Biblica*, IV, 3869]. 1.

Пророчество въ по-библейской литературѣ. Первый, кто задался цѣлью прослѣдить предполагаемое особое душевное состояніе, необходимое для получения дара пророчества, былъ Филонъ Александрійскій. Какъ и во многомъ другомъ, Филонъ руководствовался и въ данномъ случаѣ Платономъ, принимая его теорію энтузіазма (Phaedrus 534, изд. Stephanus'a). Чтобы Божественный свѣтъ могъ проникнуть въ человѣка, необходимо предварительно потушить человѣческій. Благодаря подлѣйшему исчезновенію человѣческаго смертнаго духа и видренію божественнаго безсмертнаго, пророкъ становится пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ высшей силы, въ то время какъ его собственная воля парализуется (Philo, *Quis regum divinarum haeres sit*, § 53). Самъ пророкъ «ничего не выражаетъ собственнаго»; онъ говоритъ лишь то, что внушено ему Богомъ, который тогда и владѣетъ имъ. Пророкъ способенъ предсказывать будущее; главная функція его быть истолкователемъ Божественной воли, открывать въ состояніи экстаза, энтузіазма или въ состояніи вдохновенія вещи, которыя мыслительныя его способности не въ состояніи были бы открыть (Philo, l. c., §§ 52—53; *De vita Mosis*, II, 1; *Duo de monarchia*, I, 1; *De justitia*, § 8; *Praemiis et poenis*, § 9; Drummond, *Philo Judaeus*, II, 282; Hamburger, *RBT*, II, 1003, s. v. *Religionsphilosophie*). Однако, Филонъ не считаетъ это выраженіемъ какого-либо чуда; по его мнѣнію, человѣкъ всегда имѣетъ возможность вслѣпить въ общеніе съ Богомъ, а даръ II. можетъ имѣть всякій истинно-добрый и мудрый человѣкъ. Составители Библии были преисполнены этого божественнаго воодушевленія, а Моисей стоялъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ другихъ, бывшихъ лишь спутниками или учениками Моисея (Drummond, *Philo Judaeus*, I, 14—16).

Представители талмудической литературы, *таннаи* и *амораи*, не даютъ намъ систематизированнаго изложенія своихъ взглядовъ на сущность пророчества. Однако, очень много интересныхъ замѣчаній о пророкахъ и о пророчествѣ вообще разбросано среди гомилетическихъ толкованій и изложеній библейскаго текста. Отмѣтимъ наиболѣе яркія изъ нихъ. Пророческій даръ, по мнѣнію талмудистовъ, былъ присущъ лишь тѣмъ, кто былъ физически силенъ, мудръ и богатъ, — всѣ пророки были, дѣйствительно, богаты (Нед., 38а). Каждый пророкъ отличался своими индивидуальными чертами, и въ языкѣ своемъ они обнаруживаютъ вліяніе окружающей ихъ среды. Такъ, Иезекииль подо-

бенъ провинціалу, никогда не видѣвшему царя и вдругъ попавшему въ столицу; Исаія, же напротивъ, въ своемъ пророчествѣ похожъ на жителя столицы, глазъ котораго привыкъ къ царскому величію (Хаг., 136). Особое положеніе среди пророковъ занимаетъ Моисей; истина, которую онъ получалъ, отражалась въ немъ, какъ въ ясномъ зеркалѣ, у другихъ же—какъ бы въ потускнѣвшемъ зеркалѣ (Ieb., 496). «Нельзя порицать пророковъ за то, что, желая дѣлать свою рѣчь понятной и доступной народу, они не отказывались даже отъ антропоморфическихъ уподобленій и сравненій, заимствованныхъ у природы» (Мидр. Шехеръ-Тобъ къ Пс., I, 1; Pes. de r. Kah., 36a; J. Levy, Ein Wort über die Mechilta von. r. Simon, 21—36; Bacher, I. c., III, 191 прим. 4). Во время откровенія на горѣ Синаѣ были даны всѣ будущія пророчества (Schem. г. XXIII, 4), но Святой духъ, нисшедшій на пророковъ, отличался степенью своею: однимъ пророкамъ было дано лишь на одну книгу; другимъ на двѣ; были и такіе, которые получили лишь на два стиха (Wajikra г., XV, 2. 15; ср. Bacher, I. c., II, 447, прим. 1). Порою пророчество зависѣло отъ характера того поколѣнія, въ которомъ жилъ пророкъ (Санг., 11a; Бер., 57a). Всѣ записанныя пророчества начинаются укоризнами, но ихъ заключительныя слова—слова утѣшенія (Ier. Бер., 8d; Мидр. Шехеръ-Тобъ къ Пс., 4, 8; Pes. de r. Kah., 116a); Иеремія въ дѣйствительности не составляетъ исключенія изъ этого правила. Обнародованы были лишь тѣ пророчества, которыя касались будущихъ временъ (Мег., 14a). Въ связи съ этимъ представленіемъ талмудисты принимали, что во времена Иліи среди Израіля жили множество пророковъ и пророчицъ. Благополучіе, предсказанное истиннымъ пророкомъ, должно наступить непременно; относительно же дурного предсказанія нельзя быть увѣреннымъ, что оно исполнится, ибо Господь можетъ переложить гнѣвъ на милость (Tanch. Wajera къ 21, 1). По словамъ Іуды бенъ Симонъ, Исаія получилъ непосредственное вдохновеніе, другіе пророки получали его отъ своихъ предшественниковъ (Pesik. de r. Kah., 125b и сл.). Одинъ сборникъ Мидрашимъ позднѣе происхожденія считаетъ Исаію величайшимъ, а Обадію наименьшимъ пророкомъ. Пророческія предсказанія о будущихъ благахъ имѣли своею цѣлью укрѣпить евреевъ въ благочестіи; но въ дѣйствительности пророки сами постигали лишь частицу того, что ждетъ благочестивыхъ въ будущемъ (Koh. г. къ I, 8). По мнѣнію Талмуда, если не указано мѣсто, гдѣ родился пророкъ, то слѣдуетъ понимать городъ Іерусалимъ (Мег., 15a). Традиція принимаетъ, что въ Израилѣ было всего на-всего 48 пророковъ и 7 пророчицъ, пророчества которыхъ сохранились, хотя вообще число ихъ превышало въ два раза число вышедшихъ изъ Египта (ib., 14a).

Послѣ разрушенія перваго храма пророчество стало удѣломъ полудумныхъ и дѣтей, мѣсто же пророка занимаетъ мудрецъ—который стоитъ выше пророка (Б. Б., 12a). Не только евреи, но и другіе «народы міра», по мнѣнію талмудистовъ, имѣли своихъ пророковъ, числомъ 7 (Б. Б., 15b); до построения Скинии Завета евреи не имѣли никакого преимуществъ передъ ними (Wajikra г., I, 12); Моисей молился за исключительное въ этомъ отношеніи преимущество Израіля (Исх., 33, 16; Schem. г., XXXII, 3; Бер., 7a). П. другихъ народовъ получали вдохновеніе лишь ночью (Wajikra г., 1), впрочемъ, они какъ бы стояли на извѣстномъ разстояніи

отъ Бога, дальше, чѣмъ еврейскіе. Наиболѣе виднымъ представителемъ ихъ Талмудъ считаетъ Вилеама (Валаама).

Пророчество въ по-талмудической литературѣ.—Благодаря многимъ противорѣчіямъ, царившимъ во взглядахъ талмудистовъ на сущность пророчества, р. Саадія Гаонъ вынужденъ былъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Въ виду возникшаго мнѣнія, будто пророчество вообще не есть необходимое явленіе, ибо одно изъ двухъ: или возвѣщаемая П. мысль рациональна, тогда разумъ и безъ всякой помощи свыше раскрылъ бы ея суть; если же она нерациональна, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и непонятна, а слѣдовательно и бесполезна,—Саадія утверждалъ, что въ Торѣ имѣются элементы рациональные и полученные путемъ откровенія. Послѣдніе требовали естественно вмѣшательства П., иначе человѣчество не знало бы ихъ. Что же касается первыхъ, то пророчество являлось необходимымъ также и для нихъ, въ виду того, что умъ человѣка слишкомъ ограниченъ, а путемъ откровенія знаніе передается гораздо быстрѣе (Eminot we-Deot, стр. 12-е, изд., Берлинъ). Наконецъ, разумъ открываетъ лишь общіе принципы, представляя пророчеству частности. Такъ, наприм., люди сознаютъ долгъ благодарности, но пользуясь однимъ разумомъ, они не могутъ знать наиболѣе соответствующія формы для выраженія ея Богу. Вотъ почему пророчество и могло установитъ молитвословія, наиболѣе подходящее время для молитвы; то же самое слѣдуетъ сказать относительно установленій чистоты брака, и т. п. На вопросъ, каковы признаки истиннаго пророчества, Саадія отвѣчаетъ, что это—знаменія, творимыя пророкомъ, удостовѣряющія истину его миссіи (ib., III, 4), хотя и степень вѣроятности исполненія предсказаннаго имъ также служитъ показателемъ, насколько онъ истинный пророкъ; безъ этого и чудо теряетъ свою убѣдительную силу. Богъ открывалъ свою волю черезъ людей, а не черезъ ангеловъ, но это служитъ лишь новымъ доказательствомъ величія Божественной истины. Если обыкновенные смертныя избраны орудіемъ Божественнаго откровенія, то какая необычайная сила должна была быть проявлена имъ, а это служитъ доказательствомъ для тѣхъ, кто слышалъ пророковъ и убѣдился, что Господь, дѣйствительно, говоритъ ихъ устами. Чтобы обойти всѣ затрудненія, возникающія отъ антропоморфическаго представленія о томъ, что Господь говоритъ и появляется такъ, что Его можно видѣть и слышать, Саадія прибѣгаетъ къ гипотезѣ о существованіи спеціальной эманации, созданной Богомъ съ этой единственной цѣлью.—служить для вдохновенія пророковъ (ib., II, 8). Такимъ образомъ, Саадія отрицаетъ въ процессѣ пророчества дѣйствіе извѣстнаго умственнаго и духовнаго состоянія. Въ нѣкоторой мѣрѣ и Бахья лбнъ Пакуда согласенъ съ Саадіей въ томъ, что касается доказательствъ недостаточности одного разума и необходимости откровенія. Человѣческая природа двойственна, и безъ помощи пророчества разумъ самъ по себѣ не могъ бы достигнуть абсолютной истины. Бахья еще болѣе чѣмъ Саадія, развиваетъ ту мысль, что чудеса служатъ доказательствомъ истины пророчества (Chobot ha-Lebabot, III, 1, 4). Но въ то же время онъ согласенъ, что, благодаря душевной чистотѣ и совершенству разума, можно достигнуть высшихъ условій познания, доступноя человѣку, и что можно «сдѣлаться любимцемъ Бога» и приобрести высшую силу, дающую возможность